

Лицом к лицу с мондиализмом

Ален де Бенуа

Весь мир говорит сегодня о мондиализации, главном явлении наших дней, которому придают наибольшее значение и рассматривают как нечто фатальное. Этот феномен представляется в качестве движения, трансформирующего мир, которому никто не в силах противостоять. Это явление рассматривается чуть ли не в виде мертвой зыби на горизонте у нескольких будущих поколений. Англосаксы предпочитают говорить о «глобализации». Интересно, что сам термин «глобализация» был запущен, начиная с восьмидесятых годов, в общественное сознание по ту сторону Атлантики теоретиками и пропагандистами т.н. «глобального продукта» или «глобальных коммуникаций». Эти стратеги маркетинга выдвинули в восьмидесятые тезис о том, что один и тот же товар, благодаря идентичной рекламе, может дойти до максимального количества возможных покупателей не приспособивая рекламу к культурным различиям между людьми, но вовлекая их в «надкультурную» глобальную общность.

Однако, что же все-таки понимать под «мондиализацией»? Несмотря на большое количество работ, посвященных этому явлению(1), данное понятие остается неясным. Для одних мондиализация – это феномен преодоления национального государства. Для других она, прежде всего, — новый тип отношений между трудом и капиталом, представляющий собой «офинансовление» капитала и новый раскол между квалифицированным и неквалифицированным трудом. Некоторые видят в ней вторжение в мировую торговлю новых действующих лиц с Юга. Другие делают акцент на расширении обменов и интеграции услуг в международной торговле, а также на «информационной революции». Так кто же прав?

Мне думается, что нужно различать культурную мондиализацию от мондиализации финансовой и экономической. Эти два явления во многом накладываются друг на друга, но не смешиваются.

Одна из характерных черт экономической мондиализации состоит во взрывном росте обменов и финансовых потоков. Международная торговля сегодня растет быстрее, чем национальное производство (валовые национальные продукты). В 1990г. доля международной торговли в мировом ВВП составляла 15%. Только за 5 лет, с 1985 по 1990гг. мировой экспорт увеличился на 13,8%. Биржевая торговля в период с 1960 по 1989гг. удвоилась, в то время как финансовые потоки выросли в четыре раза. В то же время изменилась и природа финансовых потоков. Объем краткосрочных финансовых вливаний в два раза превзошел аналогичный показатель по прямым долгосрочным инвестициям. Эти краткосрочные инвестиции росли быстрее, чем мировое богатство. Их процентная ставка увеличилась с 15% в период с 1970 по 1985гг. до 28% в период с 1985 по 1990 г. В этот период их объем вырос в 4 раза: с 43 млрд. долл. В 1985 г. до 167 млрд. в 1990г. Мы присутствуем при наступлении глобальной экономики, когда рост ВВП зависит от внешней торговли и международных финансовых потоков.

Другой характерной чертой является увеличение роли информатики и электроники. Сокращая время передачи новостей и способствуя их узнаванию в режиме «реального времени» в любой точки земного шара, информационные технологии способствуют мгновенному ценообразованию, на которое раньше уходили недели. Новые технологии информации и коммуникации способствуют беспрецедентной мобильности финансовых потоков. На биржах, связанных друг с другом более не заходит солнце. Капиталы в поисках наибольшей доходности перемещаются из одной точки земного шара в другую со скоростью света. Эта финансовая глобализация особенно важна: рынок капиталов является единственным, позволяющим мгновенное извлечение доходов из разницы курсов ценных бумаг.

Благодаря такой мгновенной мобильности объем сделок на рынках ценных бумаг обладает фантастическим ростом. Он достигает сегодня 1200 млрд. долларов ежедневно. Эти суммы проистекают из банковских вкладов, свободных оборотных сумм транснациональных компаний, из текущих капиталов и сумм, специально зарезервированных финансовыми обществами для этих целей. Фундамент системы основывается на разрыве в ценах, увеличивающих день ото дня, час от часу прибыли, превосходящие доходы от промышленного производства или классической коммерции. Предвидя изменение курсов валюты, информатизация способствует мгновенному перемещению огромных масс капитала, ускользающих от контроля центральных банков тех или иных стран. Термин «экономика казино» довольно верно определяет природу этого явления. Все это заканчивается финансовой нестабильностью и тенденцией к увеличению прибылей, приводящей к поискам наиболее рентабельного вложения капитала.

Некоторые авторы прослеживают глобализацию, начиная с семидесятых годов 20 в., отмеченных топливным кризисом и кризисом международного товарообмена. Именно в эту эпоху мы присутствуем при замедлении производительности труда и росте процентных ставок в индустриальных странах, при увеличении потребительского спроса на товары и услуги, постоянное обновление которых становится главной составляющей, при усложнении внешнего финансового контроля, при росте платежного дефицита в американской экономике, ведущего к увеличению спекулятивных ценных бумаг.

Этот процесс продолжается в восьмидесятые годы увеличением общественной задолженности, вызывающим развитие рынков капитала и, особенно, волной дерегуляции экономики, поднявшейся в США во время президентства **Рейгана**, и охватившей весь западный мир. Государства начинают оборонительные бои против роста могущественной финансовой интеграции, опирающейся на три D: устранение границ (decloisonnement), устранение посредников (desintermediation), устранение регулирования (deregulation).

Эти процессы позволили вынести большие сделки на международный уровень и открыли рынок ценных бумаг государства и больших компаний для иностранных игроков. Одновременно произошедшее практически мгновенно в начале девяностых годов разрушение советской системы и brutальный переход бывших стран социалистического лагеря к "дикому капитализму" сопровождалось приходом на мировой рынок труда дополнительных 2,5 млрд. человек и создали иллюзии единой планеты, свободной от

блокового противостояния.

Серия этих событий, однако, встраивается в гораздо более длинную хронологию. Мондиализация не является ни извращением капиталистической системы, ни радикально новым явлением, ни результатом заговора, но вписывается в вековую динамику, присущую самой сути капитализма. "Тенденция к созданию мирового рынка входит в саму концепцию капитала", — писал **Карл Маркс** еще в XIX в(2).

Филипп Энгельхард, по видимому, прав, когда пишет, что "глобализация является последней попыткой искусственно раздуть пламя западного Модерна"(3). Мондиализация является развитием и углублением серии метаморфоз, задававших ритм капиталистической экономики с самого начала, когда с открытием ценности обменов она стала функционировать на основе индивидуализма и универсализма в атмосфере метафизики субъективности и придания ценности исключительно извлечению материальной выгоды. Она начинается вместе с расцветом долгосрочной коммерции итальянских городов-государств XIV в. Она продолжается в эпоху Великих географических открытий, промышленной революции и колонизации. Англия между 1860 и 1873гг. уже становится ядром системы международной торговли. В 1885г., выступая в Палате депутатов парламента, **Жюль Ферри** заявил: "Создание новой колонии является созданием рынка". Колонизация вызвала не только распад традиционных обществ Африки и Азии, но и проникновение западных товаров на развивающиеся рынки, а вместе с ним и увеличение возможностей для торговли. Отказ от этой практики произошел только после того, как она потеряла рентабельность, т.е. когда содержание колоний стало стоить дороже, чем прибыли от них(4).

Установление рынка исторически неотделимо от масштабного процесса интернационализации обменов. Теоретики классической политэкономии, появившейся в 18в., полагали, что свободная циркуляция товаров и услуг должна привести к выравниванию производительных систем и уровней жизни. Таким образом, капитализм изначально обозначил себя в качестве кочевника. Как отмечает **Жак Адда**: "Мондиализация вернула капитализму его изначальное звучание, более транснациональное, чем интернациональное, позволяющее ему пользоваться границами и государствами, традициями и народами для достижения главной цели — извлечения максимально возможной прибыли"(5). Мондиализация, несомненно, является результатом растянутого на столетия процесса, но, тем не менее, не будучи его простым механическим повторением, она привносит с собой ряд новых характеристик, на которых нам хотелось бы остановиться.

Помимо информационной революции, о которой уже говорилось, и преобладания обменов промышленными товарами над сырьевыми обменами, хотелось бы остановиться на небывалой независимости, которую приобрела финансовая сфера от сферы производства. Отсутствие биржевого регулирования в восьмидесятих годах привело к приходу спекулятивного капитализма, который начал доминировать над промышленным. Денежная масса, циркулирующая в мире, сегодня в 15 раз превышает объем произведенной продукции! Этот финансовый пузырь состоит как из фондов частной экономики, так и экономики государственной и общественной (государственный долг и

накопительные пенсионные фонды). Он навязывает всему спекулятивную, если не криминальную логику: торговля наркотиками и коррупция становятся структурными элементами экономического порядка.

Другой новый факт: всеобщее распространение рынка. Сегодня трансакции охватывают даже те сферы, которые долго от них ускользали. Культура, мир искусств, природные ресурсы, специфические услуги, продукты интеллектуальной собственности вовлекаются в логику товарообмена. рыночная игра превращает все вещи в товар. То, что входит в рыночную систему в качестве живого объекта, на выходе трансформируется в товар, т.е. в мертвый продукт.

Изменились и сами игроки. Еще недавно главными действующими лицами были государства. Сейчас ими являются могущественные транснациональные компании. Финансовые рынки все настойчивее диктуют свои правила, а участие банков в экономической игре все более автономизируется от сферы реальной производственной экономики. Происходит переход от мира, организованного вокруг национальных государств к "миру-экономике", структурированному новыми игроками.

Это сущностная трансформация. Еще несколько десятилетий назад буржуазные национальные государства определяли политическую и социальную природу национальных производственных систем. Внутрикапиталистическая конкуренция развертывалась, главным образом, между государствами. Главным феноменом мировой капиталистической системы была ее территориализация, т.е. укорененность в пространстве, ограниченном пределами и возможностями национальной экономики. Рынок, даже агрессивно развивающийся, был, прежде всего, явлением национальным. Крупные фирмы, даже имевшие зарубежные филиалы, функционировали в соответствии с логикой развития экономики своей страны. Экономика и политика совпадали в общих чертах, откуда проистекала важность экономической политики, проводимой государством. Наконец, страны Третьего мира не входили в промышленную систему, что вызывало большой контраст между индустриальными центрами и периферией.

Сегодня мировая интеграция капитала вызвал распад национальных производительных систем, их декомпозицию и включение на правах сегментов в глобальную производительную систему. Различные составляющие производства настолько рассеяны в пространстве, что расположены часто очень далеко от головного предприятия и даже порой ускользают от его финансового контроля. Конечный продукт включает в себя столь разные технологические составляющие, что невозможно определить ни вклад каждого государства в это производство, ни национальную принадлежность тех или иных изделий. Роберт Райх пишет, например, о том, что когда американец покупает автомобиль в компании General Motors, то из 20000 долларов, затраченных им на эту покупку, только 800 возвращается к американским производителям(6). Мондиализация вызывает реорганизацию планетарного пространства, ведущую к детерриториализации капитала. Происходит переход от фиксированного пространства к "текущему пространству", т.е. к сетевой организации. Сеть не соответствует никакой территории, но вписываясь в рынок, позволяет ему эмансипироваться от государственных и политических ограничений. В первый раз в мировой истории экономическое и политическое пространство оказываются

разделенными. В этом состоит главная сущностная характеристика мондиализации.

Теперь я хочу сделать обзор транснациональных компаний (ТНК). Появление крупных промышленных фирм, способных планировать свою деятельность в мировом масштабе и осуществлять глобальные стратегические планы, является еще одной характеристикой глобализации. ТНК — это те фирмы, которые реализуют более половины своей деловой активности за рубежом. В 1970 г. было 7000 таких компаний. Сейчас их уже 40000. Они контролируют 206000 филиалов, в которых работает, однако, не более 3% мирового населения (73 млн. человек). Об их могуществе и возможностях свидетельствуют те факты, что в 1991 г. показатели их деловой активности превосходили общий объем мирового экспорта товаров и услуг, что они контролируют прямо или косвенно треть мировых прибылей (4800 млрд. долларов), что 200 крупнейших из них монополизировали четверть планетарной экономической активности. Необходимо отметить, что 33% мировой коммерции отныне осуществляется между филиалами одной и той же фирмы, а не между различными предприятиями. Эти сетевые компании оперируют суммами, превосходящими всякое воображение. Например, сумма годовых сделок компании "Дженерал Моторс" в 2001г. (177,7 млрд. долл.) превосходила ВВП Индонезии; тот же показатель компании "Форд"(177,2 млрд.) — ВВП Турции; "Тойоты" — ВВП Португалии; "Юнилевер" — ВВП Пакистана; "Нестле" — ВВП Египта. WalMart, американское предприятие, занимающее первое место по объему сделок (219,8 млрд.) с 1.3 млн. служащих (специализируется в сфере розничной торговли) за последние пять лет увеличило свою капитализацию в четыре раза. В 2001 г. его чистая прибыль составила 6,67 млрд. долл.

Эти фирмы, государственная принадлежность которых играет исключительно формальную роль, долгое время были озабочены не повышением рентабельности, но максимизацией финансовых прибылей, что не могло не повлечь за собой социальные последствия.

Они более стремятся к контролю над рынками, чем к производству. Это, прежде всего, финансовые группы, вкладывающие свои прибыли в различные деривативы вместо того, чтобы распределять их между акционерами или инвестировать в производство для создания новых рабочих мест. Им, более богатым, чем государства, нетрудно покупать политиков и коррумпировать чиновников и администрацию.

Для того, чтобы выдержать конкуренцию ТНК разработали новую стратегию. Прибыли, извлеченные из производства, более не вкладываются в классические инвестиции. Им нужно находить другое применение в "текучих капиталах" для того, чтобы избежать массивного и brutального обесценивания акций компаний, как это имело место в тридцатые годы. Борьба за рынки заставляет их привлекать в мировой пролетариат наименее оплачиваемые и социально защищенные элементы для того, чтобы максимально увеличить прибыль и уменьшить себестоимость продукции(7). В то время как ранее развитые страны довольствовались эксплуатацией рынков своих колоний и бывших колоний, сбывая на них продукцию своей промышленности, ТНК реэкспортируют в западные страны товары, произведенные на наиболее дешевых по себестоимости производствах Юга. Мондиализация способствует переносу части деловой активности в

развивающиеся страны с помощью реорганизации мирового производственного цикла и превращения локального ремесленного труда в индустриальное производство. Этот феномен, ставший повсеместным, начиная с восьмидесятых годов, является ни чем иным как экстенсивной реорганизацией объема заработков в международном масштабе. Для того, чтобы сконцентрировать максимум финансовых средств в центрах принятия решений, свобода движения капиталов заставляет сокращать накопительную и покупательную способность в местах производства(8).

Параллельно началось массированное вторжение в мировую торговлю новых игроков из стран Азии и, в меньшей степени, из Латинской Америки и бывшей Советской империи. В этом тоже состоит новизна момента. В прошлом разрыв в уровне зарплат между Севером и Югом дублировался разрывом в уровне производства и качестве продукции. Появление новых индустриальных стран (НИС) и утверждение ТНК в некоторых государствах Юга радикально изменили ситуацию. В 1995 г. годовой доход на душу населения в Сингапуре превысил соответствующий показатель во Франции. Несомненно, в будущем этот феномен увеличит свой размах.

Необходимо отметить, что успех НИС вовсе не означает истинность либеральных тезисов. Азиатское экономическое чудо проистекает из своеобразной культурной обстановки этих стран и национализма их правящих элит, что можно наблюдать на примере Японии, Китая, Кореи и Сингапура. Объясняется оно и волевой промышленной политикой этих стран, которые вместо того, чтобы довольствоваться скромным местом, отведенным им первоначально ТНК, стали выпускать не наиболее дешевую, а относительно дорогую и востребованную в мире продукцию.

Мондиализация модифицировала конкуренцию между государствами. Отныне конкурентоспособность предприятий различных государств не совпадает с конкурентоспособностью самих государств. Транснациональное пространство, в котором действуют большие фирмы, более не совпадает с оптимальной организацией национальных пространств. Позиции той или иной страны в мире отныне определяются только уровнем конкурентоспособности ее продукции на мировом рынке. Ее предприниматели для того, чтобы удержаться на этом рынке, должны найти оптимальное соотношение между риском и отдачей или себестоимостью и прибылью. В пределе государства становятся точками в производительном пространстве больших фирм, а понятие сравнительной прибыльности приобретает абсолютный характер.

У государств отныне нет другой возможности кроме как следовать политике конкурентоспособности, невзирая на ее социальные издержки. Все это происходило в Европе, начиная с восьмидесятых годов, вначале под влиянием либеральных теорий, воплощавшихся на практике Рональдом Рейганом в США и **Маргарет Тэтчер** в Великобритании, а затем из-за "критериев конвергенции", обозначенных в Маастрихтском договоре. Это принятие требований глобализации приняло следующие формы: всеобщая либерализация и дерегламентация, приоритет экспорта над внутренним потреблением, приватизация государственных предприятий, мировой рынок как определяющий фактор цен и зарплат, открытие национальных рынков для международных инвестиций, прогрессирующее упразднение пособий и других форм социальной поддержки, вообще

урезание всех видов расходов, не имеющих отношения к повышению конкурентоспособности, в т.ч. на образование и сохранение окружающей среды. Европейские государства одно за другим переходили к строго монетаристской политике, борясь с инфляцией с помощью высоких процентных ставок. Все это вело к увеличению безработицы и замедлению экономического роста. Кроме того, финансовые капиталы облагались меньшими налогами, чем заработная плата, что вело к снижению доли частных капиталов в общих расходах.

Одновременно долговой кризис заставил страны Третьего мира предпринимать аналогичные меры: МВФ и Всемирный банк в своих программах «структурного оздоровления» прописывали этим государствам те же рецепты, что и развитым странам, что вело к еще более катастрофическим последствиям.

Международные организации стали инструментами на службе у мондиализации. МВФ и Всемирный банк призваны навязать странам либерализацию, увеличить текучесть капиталов и подчинить экономики стран Третьего мира цели обслуживания внешнего долга. G8 призвана направить усилия лидеров развитых стран мира на помощь в ликвидации последствий кризисов вместо того, чтобы устранить их причины. Однако наиболее масштабная роль отведена Всемирной организации по тарифам и торговле (ГАТТ) и Всемирной торговой организации (ВТО).

В прошлом торговые отношения регулировались национальными законодательствами. Это касалось квот на импорт, таможенных тарифов, контроля над движением капиталов и т.д. Сегодня торговая дипломатия действует поверх государственных барьеров. Переговоры отныне ведутся о внутренних институтах государств: их банковской системе, месте, которое отводится в их экономиках частной собственности, их социальном законодательстве, их регламентации конкуренции, концентрации промышленной собственности и т.д. Скрытая цель этих переговоров состоит в том, чтобы связать в рамках ВТО государства, имеющие примерно одинаковые институты, законодательства и отношение к собственности. Часто все эти критерии заимствуются у американцев, чтобы сократить риски иностранных инвесторов. При этом растет влияние ТНК, оказывающих давление на государства с целью изменения в свою пользу их законодательств, установления выгодных для них зарплат и налогов. В конечном счете с помощью «множества локальных и международных переговоров общества сталкиваются с требованием изменения их внутренних законов и институтов с целью соответствия требованиям, навязанным извне»(10).

Условия и ограничения, налагаемые ГАТТ и ВТО выходят далеко за пределы традиционных соглашений о свободном товарообмене. Они направлены, прежде всего, на обеспечение мобильности капиталов. Соглашения, в которых они содержатся, являются не соглашениями о свободном товарообмене, но соглашениями о свободном движении капиталов. Они предназначены для того, чтобы создать новые правила международной собственности и создать новые ограничения для национальных законодательств и правительственных постановлений. Отныне, как писал **Ян Робинсон**: «Соглашения о свободном движении капиталов могут быть поняты как инструменты, которые во имя преодоления препятствий на пути коммерции, позволяют или препятствуют менять законы, политику и практики, препятствующие превращению мира в планетарный

рынок»(11).

Еще одна новизна современной эпохи состоит в культурной мондиализации: капитализм отныне продает не только товары и услуги, но и символы, образы, сновидения, культурные связи и ответвления. Он не только меблирует дома, он колонизирует воображение и господствует над общением. В то время, как в шестидесятые годы прошлого века общество потребления еще питалось и вдохновлялось вполне определенными материальными благами – автомобилями, радиоаппаратурой и т.д., в настоящее время установилась система, которую **Бенджамин Барбер** предлагает назвать McWorld по аналогии с Macintosh и McDonald. Она создает виртуальную вселенную, образующуюся в результате пересечения разных транснациональных потоков, призванных гомогенизировать мир, установив повсюду один и тот же образ жизни. Барбер уточняет: «Поддержкой системы McWorld служат отныне не автомобили, а диснейлэнды, сеть MTV, голливудские фильмы, компьютерные программы, т.е. образы и символы, а не реальные объекты»(13).

Эта всеобщая экспансия рынка делает зрительно-рекламное потребление единственной формой социальной вовлеченности. Она же провоцирует агрессию по отношению к тем, кто не имеет средств для достижения подобного потребления и выталкивает их из общества. Потоп универсальных образов и грез ведет к униформизации жизни, к уменьшению различий и особенностей, к выравниванию привычек и отношений, лишает корней традиционные культуры и коллективы.

Мондиализацию нельзя смешивать с простой интернационализацией, которая проводилась государствами для установления наилучшей системы международных отношений. Она представляет собой переход от международной экономики, являющейся совокупностью национальных экономик, к экономике планетарного рынка, регулируемой однотипными правилами, как хорошо писал Карл Полян (14). Она состоит в «растущей взаимозависимости всех составляющих нашего мира, ведущей их к однообразной интеграции в единое целое»(15). Возглавляют этот процесс новые вненациональные и внегосударственные действующие лица. Они одержимы одним стремлением – максимально увеличить свои выгоды и дивиденды, планировать свои действия так, чтобы ничто не могло служить препятствием для их активности. Эти новые действующие лица, с каждым годом увеличивающие свою независимость от государств, тем не менее все более зависят друг от друга, все более зримо образуя один огромный рыночный организм.

Охватив природу экономической и финансовой мондиализации, нам нужно охватить и ее последствия. Одно из них состоит в трагическом и постоянном росте мирового неравенства. **Гегель** уже писал о том, что богатые общества не настолько богаты, чтобы устранить рост нищеты, которую они порождают. Сегодня бедность порождается не дефицитом произведенных благ, но их плохим распределением, а также культурной и психологической блокадой, препятствующей возврату к обществам, не ставившим во главу угла труд и производство.

Между 1975 и 1985 гг. уровень промышленного производства вырос на 40%, с 1950г. мировой экономический рост увеличился в 5 раз, уровень товарообмена – в 11 раз. В тот же самый период мы стали свидетелями постоянного снижения среднего уровня жизни,

увеличения безработицы, бедности, разрыва социальных связей и разрушения окружающей среды. Реальный ВВП на долю жителя стран Третьего мира сегодня составляет 17% от ВВП жителя развитой страны Севера. Промышленно развитый мир, в котором живут не более четверти жителей Земли, сосредоточил у себя 85% мировых богатств. Страны G8 представляют только 11% мирового населения, но концентрируют в своих руках две трети мирового ВВП. Один город Нью-Йорк потребляет больше электричества, чем вся Африка южнее Сахары. Между 1975 и 1995гг. американское богатство выросло на 60%, но это богатство было аккумулировано 1% населения. Еще одна, самая сокрушительная цифра: финансовый потенциал 385 официальных долларовых миллиардеров (богатейших людей планеты) превышает соответствующий показатель 2,3 миллиардов человек, принадлежащих к беднейшим слоям (а ведь это половина жителей Земли). Можно сказать, что чем больше накапливается богатства, тем более увеличивается бедность. Данный вывод подрывает либеральную мифологию о том, что излишки, появляющиеся у богатых в конце концов способствуют росту благосостояния всего общества. В действительности, мондиализация, вызывающая монополию рынка, способствует росту неравенства и социального отчуждения, подрывая стабильность общества.

Параллельно этому мы имеем дело с возрождением колониализма, пусть и в неформальной манере. «Помощь» Третьему миру со стороны международных финансовых организаций является не чем иным как модификацией контроля над ними с помощью займов и ростовщичества. ВТО заставляет страны Юга согласовывать свои законодательства с требованиями иностранных инвесторов, устраняя все препятствия на их пути, включая законодательства в области охраны труда, здоровья и окружающей среды. Повсеместно там, где берутся на вооружение либеральные методы структурного оздоровления, происходит ухудшение условий жизни большинства населения и обострение социальной напряженности. Вслед за этим по парадоксальной логике начинается и закономерный отток капиталов из страны. Все это позволяет говорить о фундаментально паразитарном характере системы. Что же касается тех стран, которые не желают соответствовать данным требованиям, то они маргинализируются, сбрасываются со счетов и исключаются из международной экономической активности.

Но это очевидно не только для стран Юга, наиболее остро чувствующих последствия мондиализации. На Севере обостряющаяся транснациональная конкуренция из-за перекаса в балансе экспорта и прямых инвестиций вызвала жесткое сокращение рабочих мест и зарплат. Тот кто может производить товар по оптимальной цене становится уязвимым к давлению капитала, побуждающего снижать зарплаты и социальные выплаты. Напротив, удорожание рабочей силы в связи с высокой квалификацией трудящихся и старением населения побуждает компании переносить производства в страны, где ручной труд стоит дешевле, а рабочая сила обладает повышенной текучестью. Производства в развивающихся странах вовлекают в себя большое количество неквалифицированного ручного труда, что побуждает капиталистов охотнее эксплуатировать рабочую силу Юга и все более уменьшать занятость в странах Севера, что ведет к нарастанию структурной безработицы. В отсутствие роста рынков сбыта фирмы для того, чтобы выжить в нынешней ситуации, вынуждены забирать сегменты рынка у конкурентов. Для этого им необходимо постоянно повышать конкурентоспособность, проводя промышленные

реструктуризации и уменьшая штат, что не может не вызывать катастрофических социальных последствий.

Процесс делокализации только набирает силу. В 1990 г. промышленные товары, экспортировавшиеся из новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии в развитые страны Севера, составляли 1,67% от ВВП последних. Во Франции товарообмен с НИС во многом объясняет нынешний рост безработицы. Однако мы еще не дошли до пика роста этого феномена. С 1970 по 1990 гг. доля НИС в торговле с развитыми странами увеличилась с 0,7% до 6,4%. Если процесс будет развиваться такими темпами, то через двадцать лет эта доля достигнет 55%.

Промышленная революция позволила интегрировать неквалифицированную рабочую силу в глобальное общество. Мондиализация, наоборот, исключила из него тех, кто не сумел доказать свою полезность. Здесь заключается фундаментальный разрыв со всем предыдущим развитием капитализма, сводящий на нет все положительные эффекты социального компромисса, ставшего возможным благодаря кейнсианскому Государству-Провидению.

Мондиализация пролетариата и финансовая глобализация в связке способны изменить тот экономический и социальный курс, который превалировал на протяжении десятилетий экономического роста после Второй мировой войны. Во время славного тридцатилетия (1945-1975гг.) капитализм фордистского типа вынужден был считаться с социальными требованиями, принятыми в ведущих индустриальных обществах, как и с волей государств к влиянию на международный экономический порядок. Государство-Провидение было результатом этого исторического компромисса между трудом и капиталом, т.е. результатом принятия капиталистическими стратегами социальных требований. Мондиализация привела к разрыву с этим общественным договором. Логика капитала начала игнорировать социальные требования, что поставило под вопрос иерархию зарплат и коллективную солидарность.

Этот разрыв связи между экономикой и социальной ситуацией шел параллельно разрыву связи между Государством-Провидением и средним классом, которому Запад был обязан экономическим ростом предшествовавших десятилетий. Вместе с мондиализацией мы присутствуем при появлении общества, основанного на песке. Это означает, что в результате непрочности социального устройства огромные массы людей могут в одночасье оказаться на самом дне, тогда как большая часть капиталов концентрируется в высших сферах. В результате происходит размывание среднего класса, который "в начале двадцатого века не только породил капитализм, но и способствовал его росту"(16). Во время славного тридцатилетия эти средние классы не переставали консолидироваться, вовлекая в свои ряды все более широкие массы населения, что приводило к относительному уменьшению неравенства. Эта модель среднего класса, распространяющегося на все более широкие слои населения (движение, которое мы считали необратимым), сегодня все более ставится под вопрос.

Результатом этого является глубинная трансформация классов и отношений внутри капиталистических стран. Деструкции среднего класса соответствует параллельная

деструкция тех прослоек народа, которые отвечали за удовлетворение их социальных требований и защиту их прав. Профсоюзы более не противостоят ТНК, привыкшим играть на разнице зарплат на мировом рынке. Их традиционные способы ведения борьбы с властями оказались бессильными перед транснациональными компаниями. Эта эволюция подобна чудовищному регрессу, который возвращает то состояние сверхэксплуатации, которое имело место на заре существования промышленного капитализма. Карл Маркс, несмотря на ошибочность своей философии истории, правильно увидел логику присвоения, ведущую к материализации человеческих отношений. Ирония истории состоит в том, что правильность тезисов Маркса была доказана в момент крушения советской системы. Именно тогда логика капиталистической прибыли начала реализовываться без малейшего стеснения. В то же время бедность и безработица становятся, как и в XIX в. структурными элементами общества, краткосрочное трудоустройство и отчуждение от труда все более входят в моду, доходы капитала растут в ущерб доходам трудовых слоев, а гарантии, которые были завоеваны трудящимися за десятилетия тяжелой борьбы, тают на глазах.

Последний результат мондиализации: растущая немощь национальных государств. Правительства видят как их попытки повлиять на макроэкономическую ситуацию уходят из под носа под влиянием увеличения международной мобильности капитала, мондиализации рынков и интеграции экономик. В монетаристском аспекте их способность к маневру сведена к нулю, поскольку процентные ставки и обменный курс отныне регулируются независимыми центральными банками, принимающими свои решения под влиянием мировой конъюнктуры. Страна или группа стран, которая решилась бы на снижение процентных ставок неизбежно должна столкнуться с бегством капиталов в страны, гарантирующие большую норму прибыли. В то же время мобилизационная способность центробанков в аспекте объема трансакций становится ничтожной: в июле 1993 г. для отражения массивной атаки на франк Национальный банк Франции вынужден был в течение одного дня израсходовать весь свой обменный запас! В бюджетном аспекте свобода государств также существенно ограничена, т.к. общественная задолженность перпятствует их резким шагам, несогласованным с финансовыми институтами. Наконец, в аспекте промышленной политики правительства не имеют другого решения кроме как привлекать ТНК субсидиями и налоговыми льготами. Последние уже не довольствуются тем, что действуют поверх границ. Они стараются влиять на внутреннее законодательство государств, регламентирующее их деятельность. Слишком высокие налоги или зарплаты, слишком тяжелые в плане социальных гарантий условия работы заставляют их бежать. В результате "любая регламентация может стать жертвой давления со стороны рынка на том основании, что транснациональные предприятия увидят в ней лишние расходы"(17). Налоговая власть государств является уже не суверенной, но договорной, т.к. формируется в процессе согласования с капиталом, все более наглым и все более сильным в навязывании своих требований. "Никакое правительство, даже на Западе, — объясняет **Эдвард Голдсмит**, — более не осуществляет контроль над транснациональными предприятиями. Если какой-либо закон сдерживает их экспансию, они угрожают уходом из страны, и они могут это сделать, используя широкое поле мирового рынка. Они могут бежать по планете для того, чтобы выбрать наиболее дешевую рабочую силу, наименее защищенное законом окружение, наиболее льготный налоговый режим и наиболее масштабные субсидии. Они

полностью находятся вне контроля"(18). В конце концов, как пишет Жак Атта: "Мондиализация может быть проанализирована как процесс обхода правил, устанавливаемых развитыми странами для регулирования многосторонних экономических отношений"(19).

Мондиализированная экономика налагает на национальные государства столь сильные ограничения, что последние вынуждены вынести на склад ненужных вещей все свои традиционные методы воздействия на ситуацию. Столкнувшись с растущими трудностями контроля за богатством, государства оказались лишены своего наиболее важного политического рычага — сплоченного и непротиворечивого устройства своей территории. А т.к. любые бюджетные затраты в социальной сфере могут показаться мерами, снижающими их экономическую конкурентоспособность, то они перестают выполнять важнейшую функцию по достижению социальных компромиссов. Политики становятся беспомощными, и государство меняет свою природу. Из социального посредника, каким оно было ранее, оно становится простым управляющим территории, по которой проходят финансовые потоки. Приняв роль наблюдателя, оно "отныне является простым клерком, регистрирующим решения, принятые в другом месте"(20).

Это поистине революционное изменение, т.к. оно подрывает то, что было фундаментом политики Модерна: суверенитет государств. **Бертран Бадье** пишет: "Мондиализация ломает суверенитеты, проходит насквозь через национальные территории, помыкает общинами, разрывает общественные договоры и делает излишними концепции международной безопасности. Суверенитет уже не является той бесспорной фундаментальной ценностью, которой он был когда-то, а идея вмешательства медленно, но верно меняет свой смысл"(21).

Однако рушится не только суверенитет, но и, прежде всего, демократические принципы. Ставится под вопрос легитимность руководителей, выбранных гражданами своей страны, т.к. у первых нет средств, чтобы примирить требования капитала и социальные нужды. С другой стороны, свободное движение капиталов ограничивает поле демократического контроля над экономической и социальной политикой, т.к. экономика отныне подчиняется внешним ограничениям, ускользающим от господства правительств мы присутствуем при переходе власти в принятии экономических решений в руки мировых экономических акторов, которые никому не отдадут отчет в своих действиях. Гражданское общество в этой ситуации становится беспомощным и лишенным смысла.

Мондиализация модифицирует также наше восприятие пространства и времени. Планета содрогается под излучением сети искусственных спутников, под властью экономических империй, умножающих свои альянсы и смещения, под влиянием информационных потоков, циркулирующих в любом направлении и делающих всех нас частицами одной и той же субкультуры. Пространство, в котором циркулируют товары, инвестиции и капиталы, все больше сужается под влиянием все более малочисленных и влиятельных монополий. С другой стороны, если раньше общества жили во времени, представляющем собой последовательность моментов и продолжающуюся длительность, то теперь такое восприятие стирается. Технологическая революция "реального времени" (или "времени зеро") ускоряет движение материальных и нематериальных потоков, лишая время

возможности перерывов и перспективы. Такое сжатие времени делает из сиюминутности единственный наделенный смыслом горизонт. Рене Шар говорил: "Удаленность убивает подчинение". Сближение, производимое новыми технологиями и коммуникациями, давит людей и вещи, смешивает формы и мгновения.

Мы присутствуем при трансформации самой реальности. Это можно хорошо проследить на примере сети Интернет. Если раньше классические масс-медиа позволяли наблюдателю узнавать о том, что происходит вовне, то теперь они позволяют ему проникать в это вовне. Обитатель McWorld в одно и то же время живет повсюду и нигде. Жизнь в сети Интернет представляет собой электронный нomaдизм, но также и электронный колониализм. Как правильно писал **Нельсон Толл**, последователь **Маршалла Мак Люэна** из университета в Торонто: "В конце концов могущество Интернета позволяет всему миру писать и думать также, как жители Северной Америки"(22). не будет чрезмерным говорить о том, что мондиализация в какой-то степени производит уничтожение пространства и времени. Уничтожение времени происходит потому, что благодаря мгновенным технологиям информации и коммуникации все отныне происходит во "времени зеро". Одни и те же события (кровавый террористический акт, финал Чемпионата мира по футболу) просматриваются и проживаются в одно и то же мгновение телезрителями всей планеты; финансовые потоки в одно мгновение перемещаются с одного края Земли на другой. Что же касается уничтожения пространства, то оно заключается в том, что границы более никого не останавливают, и никакая территория в новом мире не обладает центральностью.

В эпоху холодной войны между коммунистическим блоком и тем, что тенденциозно называли "свободным миром" проходила настоящая граница. Сегодня уже не существует линии демаркации. Информация, программы, товары, финансовые потоки, наконец, сами люди свободно перемещаются из одной страны в другую и циркулируют по планете. Для каждой страны различие между внутренним и внешним уже не соответствует реальности. Прежде, например, полиция занималась поддержанием внутреннего порядка, в то время как армия боролась с внешним врагом. Теперь полиция для решения своих задач все более прибегает к военной силе, а армия все более задействована "в международных полицейских операциях". Глобализация означает появление мира без внешнего пространства. Был даже изобретен термин "глобалитаризм", чтобы описать мир, у которого нет ничего, что было бы над ним, глобальную империю, не ограниченную ничем.

Глобализация соответствует концу Модерна. Падение Берлинской стены означало не только окончание послевоенной эпохи или конец 20 столетия, но и вхождение в постмодерн.

В постмодернистском мире все политические формы, унаследованные от Модерна, становятся излишними. Политическая жизнь больше не сводится к борьбе партий. «Ленинская» модель, согласно которой партии приходили к власти для того, чтобы воплотить в жизнь их политические программы, все более становится неактуальной, т.к. их поле для политического маневра все более сужается. Одновременно национальные государства теряют свою централизованность и легитимность. Они теряют свою

централизованность потому, что становятся слишком большими для того, чтобы отвечать повседневным нуждам людей и слишком маленькими, чтобы решать проблемы, которые ставит перед ними поступательное планетарное движение. Они теряют легитимность, потому что ключевые институты, на которые они опирались до сей поры (школа, армия, профсоюзы, политические партии) все больше погружаются в глубокий кризис. Они больше не производят социальное. Образование общественных связей теперь идет, минуя административные авторитеты и интегрирующие институты. Мондиализация порождает разрыв между знаком и смыслом, что приводит к всеобщей десимволизации политической жизни. Кризис репрезентации, растущее падение выборной активности (уклонение от голосования), расцвет популизма и новых общественных движений подтверждают это наблюдение.

Мы присутствуем при смене национальных государств общинами и континентами, при смене массовых организаций сетями, при смене одиночного индивидуализма интерсубъективностью, при смене логики расширение/революция логикой сжатие/рассеяние, при смене территориальных стратегий стратегиями транснациональными.

Глобализованный мир — это, прежде всего, мир сетей. Сети характеризуются подвижным или «текучим» характером. Все в них находится в движении: деньги, образы, символы, программы. Они характеризуются скоростью и множеством взаимосвязей, что приводит к их относительной непрозрачности. У сетей нет ни центра, ни периферии, т.к. каждая точка сети является одновременно периферийной и центральной. Сети создают новый, «фрактальный» тип общественных отношений. Устанавливая связи между людьми, живущими на огромном расстоянии друг от друга, базирующиеся на их общих целях, интересах или мнениях, они создают наднациональные идентичности. Сегодня существуют сети всех видов: сети промышленные и финансовые, сети информации и коммуникации, сети криминальные и террористические и т.д. Все они действуют в режиме деллокализации. Большие ТНК и промышленные фирмы, террористические группы, наркокартели и мафии всегда действуют одним и тем же путем. Они выбирают наиболее благоприятные направления своей деятельности и внедряют туда своих агентов, когда для этого созревают благоприятные условия. Сети распространяются вирусным путем, но логика разрушения тоже основана на вирусе. Вирусы, запускаемые хакером для того, чтобы вывести из строя компьютеры других пользователей, вирусы новых заболеваний (СПИД, лихорадка Эбола, коровье бешенство), пламенные деструктивные призывы, распространяемые через Интернет, информация, способная в одночасье обрушить финансовые рынки действуют по одной и той же модели.

Мондиализация, которую мы наблюдаем сегодня, не является «всемирным государством», о котором мечтал **Эрнст Юнгер**, видя его как результат смешения «белой» и «красной» звезды, т.е. ценностей Запада и Востока(22). В процессе мондиализации Земля объединяется в форме рынка, т.е., подчиняясь логике товарообмена и поиска наивысшей нормы прибыли. Это пришествие мирового рынка сопровождается изменением менталитета. Интериоризация рыночных моделей внедряет в умы и в поведение господство товарных ценностей. Отныне господствующей антропологической моделью становится модель утилитаристская: человек более всего озабочен способностью

производить и (главным образом) потреблять материальные блага, как экономический агент он изыскивает, прежде всего, возможность максимизировать свой интерес. Мы переходим от общества с рынком к обществу рынка. Однако развитие обменов не упраздняет ни отчуждения, ни предубеждений.

Необходимо подчеркнуть, что глобализация была реализована не левыми «космополитами», но правыми либералами. Это соответствует секулярной тенденции капитализма: капитализм не ограничен ничем кроме самого себя. Такая модернизация представляет собой вызов кризису современности, порожденному Просвещением(23). Ответ этот, однако состоял в радикальной автономизации рыночной экономики, в офинансовлении капитала и в бурном развитии технологий. Общая идея состояла в том, что наука поможет все понять, техническая перспектива все решить, а рынок все купить.

Ничего этого не произошло. **Карл Полян** прогнозировал, что рынок разрушит общество. Мы при этом присутствуем. «Приятная коммерция», опровергая мнения **Адама Смита**, не смягчила отношения между людьми, но внесла дух войны в сам рынок. Диктатура экономики и господство собственности в публичных делах привели к разрушению общественных связей. Мир дерегуляции осуществил нивелировку культур до самого нижнего уровня, сведя их к потребительскому измерению. «Непредвзятый взгляд, — отмечал Эрнст Юнгер еще сорок лет назад, — с удивлением видит как дух конформизма все более захлестывает страны. Выражается это не столько в монополии одного из конкурирующих экономических могуществ, сколько в глобальном образе жизни»(24). **Филипп Энгельхард** пишет: «Современный шок мондиализации является следствием универсалистского либерализма, который, несмотря на заявления, чувствует отвращение к различиям. Его имплицитная программа состоит в гомогенизации мира с помощью рынка, в искоренении национальных государств и культур. Либеральное общество не поддерживает ни культурные «отходы», ни общинные предпочтения. Максимальная программа либерализма состоит в искоренении каких бы то ни было различий, т.к. они образуют препятствие на пути к большому рынку и социальному миру. Фактически излишеством оказываются не только явления культуры, но само социальное. Логика западной современности ведет к универсальному бескультурью рынка»(25).

Однако мондиализация не является универсальностью. С определенной точки зрения она представляет собой обратное, т.к. способ экономического обмена, который она внедряет соответствует исторически вполне определенной культуре. Мондиализация представляет собой западный рыночный империализм, империализм, внедряемый в тех, кто ему подчиняется. Мондиализация является массовой имитацией западного экономического поведения. Это обращение целой планеты в религию рынка, богословы и великие жрецы которой в своих проповедях подчеркивают существование великой цели — рентабельности(26). Это не универсализм «быть», но универсализм «иметь». Это абстрактный индивидуализм расколотого мира, в котором люди различаются по способности производить и потреблять. Капитализм стремится преуспеть там, где социализм проиграл: в создании «нового человека». Однако этот новый человек уже не является ни тружеником, ни гражданином — это «продвинутый» потребитель, разделяющий с человечеством общую судьбу, входя в Интернет или приобщаясь к благам общего рынка.

Заки Лаиди пишет: «Португальский писатель Мигель Торга как-то определил универсальность как «комнату без стен». Этим он хотел сказать, что универсальные ценности могут быть восприняты и защищены только людьми, крепко укорененными в локальности. Мондиализация производит обратный эффект: люди чувствуют себя лишенными корней и неспособными командовать происходящими вокруг процессами. Поэтому они судорожно воздвигают все новые и новые стены, пусть даже хрупкие и эфемерные»(27).

В психологическом плане люди ощущают себя все более и более лишенными власти над самими собой. Это происходит под воздействием столь быстрых процессов, столь могущественных стратегий и столь весомых ограничений, что человек уже не в состоянии достичь уровня, на котором он может адекватно воспринимать происходящее, тем более влиять на него. То, что этот процесс происходит в то время, когда человек становится все более и более одиноким, все более и более предоставленным самому себе, когда рушатся все большие нарративы мира, только усугубляет его. «Мондиализация, — справедливо пишет Заки Лаиди, — странным образом воспроизводит фрейдистский механизм инфекции-паники. Инфекции в той мере, в которой мондиализация способствует конформизму и уравниловке. Панике, т.к. каждый сталкивается с логикой, превосходящей его человеческое воображение»(28). Мондиализация в какой-то мере напоминает пазл из расколотых образов. Она не сводится ни к одной картине мира. Она превосходит всякую репрезентацию. «Сущность мондиализации состоит во взаимодействии мира без границ с миром без ориентиров. Эта диалектика мира без границ и ориентиров объясняет наше чувство утраты смысла и обостряет беспорядочность в нем»(29).

Я часто вспоминаю чудовищную фразу, написанную **Шарлем Пегги** в 1914 г., незадолго до смерти: «Все несчастны в современном мире».

Чем более глобализация разворачивается в планетарном масштабе, тем более развивается диалектика ее главного противоречия. Одностороннее навязывание ею повсюду западного образа жизни провоцирует появление движений сопротивления «идентитарного» типа. Чем более мондиализация актуализирует унификацию, тем более она увеличивает потенциал фрагментации, чем более она актуализирует глобальное, тем более она повышает потенциал локального. На разных концах планеты общества, наиболее подверженные угрозе мондиализации, стараются утвердить свой партикуляризм, вернуть свою индивидуальность. Но здесь их подстерегает еще большая опасность. Некоторые пытаются искусственно создать идентичность из обломков былого. Другие хотят воссоздать внутренне в мире, где все стало внешним. Некоторые под воздействием фрустрации берут на вооружение конвульсивные формы действия, доходящие до насилия и ксенофобии. Мы присутствуем при этом явлении, которое Бенджамин Барбер выразил в формуле «Джихад против McWorld»(30). С одной стороны планета идет по пути униформизации, прогрессирующей гомогенизации под влиянием торговли и массовых коммуникаций. С другой, повсюду нарастают «идентитарные» судороги, агрессивные формы этнического или религиозного самовыражения, порождающие гражданские войны и межэтнические конфликты(31). Можно сказать, что мондиализация одновременно разрушает и порождает коллективные идентичности. Но, порожденные ею коллективные

формы отличаются от прежних. Они уже не являются взвешенными и органичными, но агрессивными и реактивными.

Этот пожар агрессивных «самостийностей» является логическим продолжением процесса образования общества без внешней стороны: эксцессы открытости порождают эксцессы закрывания. Вспышки трайбализма, клановости и обостренного национализма являются реакцией на угрозу лишения корней. Мы не можем оправдать эти движения, т.к. их эксцессы дискредитируют порой само стремление к идентичности. Будет более справедливым, как это предлагает Барбер, рассматривать их в паре с мондиализацией. С одной стороны, эти явным образом антагонистические тенденции своими эксцессами оправдывают эксцессы другой стороны: нарастание неравенства в результате последствий глобализации экономики толкает наиболее бедные слои к экстремизму, а последствия религиозно-этнических войн против McWorld запугивают обывателя и толкают его в объятия мондиализма. С другой стороны, они представляют собой две формы, soft и hard одного и того же негативного феномена. Они едины в стремлении смести любую форму демократии и активного соучастия граждан в общественной жизни.

Таким образом, крайности сходятся. Еще в 1920 г. русский лингвист **Николай Трубецкой** констатировал парадоксальное родство шовинизма и космополитизма. «Достаточно внимательно рассмотреть космополитизм и шовинизм, — писал он, — чтобы отметить отсутствие радикальной разницы между ними, что они являются аспектами одного и того же феномена»(32). Он добавляет, что космополитизм игнорирует национальные различия, исходя из концепции единого человечества, построенного по определенной модели. Он пытается создать единое человечество на основе частной цивилизационной модели Запада, имплицитно рассматриваемой в качестве наиболее продвинутой стадии цивилизации вообще. Он заключает: «Существует также соответствие между шовинистами и космополитами. Разница между ними состоит в том, что шовинист выступает от имени более ограниченной этнической группы, чем космополит»(33). Однако оба они знают только один критерий суждения: «То, что на нас похоже, лучше того, что от нас отличается»(34).

Все вышесказанное позволяет понять, насколько бессмысленно искать «дирижера оркестра» мондиализации. Мондиализация в той мере, в какой она состоит в размножении сетей, не имеет ни центра, ни командного пункта. Американское государство, представляющее собой на сегодняшний день единственную мировую сверхдержаву, является лишь подчиненной частью по отношению к такой сети. Мондиализация, будь то в финансах или в технике, действует по горизонтальной, а не вертикальной логике, по «кибернетической» модели, а не подчиняясь командам из удаленного центра. Причина развития глобализации заключается в ней самой.

Является ли мондиализация необратимой? В далекой перспективе ни один ответ нельзя считать верным — история всегда открыта. Однако в ближайшем будущем, возможно, нескольких десятилетий, мондиализация составляет единственный доступный нам горизонт.

В такой перспективе нам необходимо избежать нескольких ошибок. Одна из них состоит в

том, что мондиализации можно избежать, замкнувшись в себе, поддерживая свою идентичность исключительно в этноцентричном смысле. «Логика бункера» сегодня бесполезна, т.к. мы живем в мире, где все поддерживает и отражает друг друга. Если мы не интересуемся тем, что происходит вовне, думая, что это нас не касается, мы упускаем из виду то, что затрагивает нас непосредственным образом.

Вторая ошибка состоит в стремлении оказаться в арьергарде, пытаясь замедлить поступательное движение истории. Правые движения, придерживаясь такой стратегии на протяжении столетия, в конце концов проиграли битву. Оплакивать современную ситуацию, сожалея о прошлом – такая позиция не выдерживает никакой критики. Невозможно сражаться, не зная конфигурацию поля боя сегодня и его конфигурацию завтра, а только мечтая о том, что могло бы быть или сожалея о прошлом. Необходимо не отрываться от эпохи, а всегда четко представлять себе исторический момент, в который мы живем. Необходимо представлять себе, что нас ждет, чтобы определить, что в данной ситуации возможно.

Можно сделать еще два замечания. Во-первых, глобальный характер мондиализации, составляет не только ее силу, но и ее слабость. В современном мире все мгновенно отзывается друг в друге. Ничего более не задерживает распространение шоковых волн, а финансовые кризисы, зарождаясь в одной точке планеты, моментально отражаются в других. В этом состоит фактор уязвимости системы. Во-вторых, распространение сетевых структур, которое составляет характерную черту мондиализации, одновременно дает оружие для борьбы против ее последствий. Сети позволяют диссидентам всех стран перегруппировываться с одного конца Земли на другой и координировать свои действия. Неслучайно, движения антиглобалистов сами достаточно глобализованы, что показали события в Порту-Аллегри, Генуе и Сиэтле.

Ясно также, что современный кризис является результатом неконтролируемой концентрации растущих капиталов, и что данный процесс должен быть поставлен под общественный контроль.

Нет ничего невозможного в том, чтобы регламентировать на мировом уровне деятельность финансовых рынков. Например, профессор **Тобин** выдвинул идею о налогообложении больших международных транзакций капиталов. Разумеется, это не будет панацеей. Тем не менее, налог на краткосрочные финансовые операции в размере 0,05% даст эффект в 150 млрд. долларов, что в два раза превышает объем международной помощи слаборазвитым странам. Подобная сумма может помочь, например, в создании фонда международной финансовой помощи или фонда защиты окружающей среды. Для этого, однако, необходимы международные организации, которые руководили бы процессами мондиализации в несколько ином русле, нежели они проходят сейчас и перераспределяли бы часть прибылей от глобализации в пользу ее жертв. Филипп Энгельхард, со своей стороны, предлагает создание единой мировой валюты. Возвращение к стабильному эталону единой международной валюты будет ограничительным фактором на пути спекуляций, учитывая, что большая часть доходов от них делается на разнице курсов валют.

Стоит отметить, что, если «феномен мондиализации представляет собой реванш экономики над обществом и политикой»(35), то на него не может быть дано исключительно экономического ответа. Вопрос состоит в том, как ликвидировать разрыв между необыкновенным взлетом мировой экономики и отсутствием политической организации, способной контролировать и регулировать этот процесс.

Если мы в принципе признаем, что политика должна контролировать экономику, то, учитывая сегодняшний исторический момент, логично ли будет предположить необходимость политического воздействия на экономику на глобальном уровне. Иными словами, если экономика глобализируется, не должна ли и политика пройти соответствующий процесс? Известно, однако, что мировое государство – это химера, а его установление на более или менее туманных основах вызовет еще больше трудноразрешимых проблем. Наоборот, противопоставлять мондиализации национальное государство было бы очередной ошибкой. В первую очередь потому, что глобализация представляет собой процесс распространения на планетарном уровне той же самой гомогенизации, которая была впервые применена бюрократией на уровне национальном. То, что государство осуществляло в малых масштабах, мондиализация осуществляет в больших. Во-вторых, и прежде всего, потому что государство сегодня представляет собой наиболее уязвимую для глобализации мишень. Подчиненное внешним ограничениям, радикально превосходящим его возможности (необыкновенное развитие мировой экономики, спутниковое телевидение, коммерциализация бурно развивающихся технологий, наркотрафик) национальное государство просто неспособно эффективно реагировать на глобальные вызовы. Думать о том, что национальное государство еще может самостоятельно решать открывать ли ему или закрывать границы финансовым потокам, думать, что можно, отгородившись стенами, создать социально солидарное общество, значит впадать в самообман.

Создание политически объединенной Европы и других региональных и континентальных объединений может теоретически привести к образованию надежных убежищ от мондиализации. Европа смогла бы создать собственный полюс, способный противостоять глобализации и одновременно ответить нуждам рынка. Абсолютной гарантии здесь, конечно, нет, т.к. не исключен перекося, вызванный жесткой конкуренцией ТНК собственно европейского происхождения. Европейское экономическое пространство потенциально является первым рынком мира и по количеству населения и по покупательной способности. Ответственная политическая власть в объединенной Европе смогла бы путем регулирования бюджетной и фискальной стратегии способствовать созданию не экстенсивно, а интенсивно и центрированно растущей экономики в обществе с сильными социальными гарантиями. Одновременно новая европейская валюта (евро) могла бы снизить потенциал и влияние доллара и тем самым стать действенным элементом восстановления европейского суверенитета. Только в таком масштабе можно говорить о восстановлении механизмов контроля, некогда утраченных национальными государствами.

Однако стремиться к Европе действительно суверенной, а не к Европе торговцев, построенной в качестве простого пространства свободного обмена, и не к Европе бюрократической и зарегулированной, объединяющейся в ущерб локальным автономиям.

Сегодня, к сожалению, приходится констатировать, что общие соглашения, навязанные европейским государствам, не ведут к появлению какого-либо подлинного европейского суверенитета(37).

Наконец, существует уровень повседневной жизни. Мондиализации, универсализации знаков, мертвой зыби, стирающей все различия, можно противопоставить единичность форм. Остаются языки, остаются культуры, остается социальная связь, которую можно кропотливо восстановить.

Ф. Энгельхард пишет по этому поводу, что «Реабилитация политики ведет рано или поздно к восстановлению социального и культуры и, наоборот. Исходя из этого, культуру надо рассматривать не как нечто статически данное, но как творческую напряженность, как носительницу смысла, как углубление искусства жить вместе»(38). **Жан Бодрийар** писал о том, что: «Любая культура, достойная этого имени, не теряет себя в универсальном. Любая культура, универсализирующая себя, теряет свою единичность и умирает. Мы культурно мертвы не потому, что нам навязали другой культурный код, но именно из-за нашей собственной неудавшейся претензии на универсальность». Он добавляет: "Все то, что составляет событие, сегодня противостоит универсальному, абстрактной универсальности"(39). Было бы напрасным противопоставлять одной глобальной мощи другую. Стратегия разрыва состоит, наоборот, в противопоставлении локального глобальному, очень маленького очень большому. Соотношение сил в эпоху постмодерна изменило свою природу. Еще пятьдесят лет назад желанием любой державы было обзавестись средствами столь же масштабными, если не более масштабными, чем у другой стороны ("равенство в средствах устрашения" в эпоху холодной войны). Сегодня конфликты характеризуются скорее асимметрией сил, что мы наблюдали на примере театральных терактов 11 сентября 2001 г. Упадок национальных государств освобождает базовые энергии. Он способствует увеличению возможностей для локального действия и одновременно делает возможным возрождение политического измерения социального. Применение ко всем уровням принципа субсидиарности, который состоит в том, чтобы не отдавать на произвол верхов того, что можно решить на нижних уровнях, было бы лучшим лекарством против глобализации.

1. Особенно Robert Reich. *Economie mondialisée*, Dunod,1993; Francois Chesnais. *La mondialisation du capital*, Syros,1994; Jacques Adda. *La mondialisation de l'economie*, Decouverte,1996 (2 vol. 1 — Genese, 2 — Problemes); Samir Amin. *Les défis de mondialisation*, l'Harmattan,1996; Anton Brender. *L'imperatif de solidarite. France face a la mondialisation*, Decouverte 1996; Jean-Yves Carfantan. *L'épreuve de la mondialisation. Pour une ambition europeenne*, Seuil, 1996; Philippe Engelhard. *L'homme mondial. Les sociétés humaines, peuvent-elles survivre?* L'Arlea, 1997

2.Критика политической экономии

3.там же, с.543

4."Развитие событий, — писал Марсель Мосс еще в 1920г., — идет в сторону увеличивающегося размножения идентификаций, отображений, обменов как в моральной , так и в материальной жизни".(Нация в *Oeuvres*, v.3, p.625)

5. *ibid.*, v.1

6. Bertran Badie. *La fin des territoires*, Fayard, 1996
7. Jean-Albert Michalet. *Le capitalisme mondial*, PUF, 1985
8. Самир Амин пишет: "Либерализация международных трансфертов капитала, принятие колеблющегося обменного курса, дефицит платежного баланса американского бюджета, огромная задолженность стран Третьего мира, повышенные нормы прибыли, приватизации составляют совокупность продуманной политики, позволяющей вкладывать капитал в наиболее прибыльные объекты финансовой спекуляции и при этом избегать главной опасности — массового обесценивания" ("Истинные цели мондиализации" в *Politis-La Revue*, 09-10.1996)
9. Филипп Энгельхард отмечает: "Народы, культурная система которых в наименьшей степени была искалечена западным модерном, оказались наилучшим образом подготовлены к экономическим изменениям. Это случай Японии, а также Китая и других стран Юго-Восточной Азии" (там же, с.23)
10. Susanne Berger. *Le role des Etats dans la mondialisation*, in *Sciences humaines*, 09-10.1995, p.55)
11. *Mondialisation et democratie. Point de vue nord-americain*, in *M*, 03-04 1996
12. *Internet et tchador: une meme combat*, in *La Vie?* 13.11.1996
13. Марсель Мосс уже отмечал: "Интернационализм, достойный этого имени, является противоположностью космополитизма. Он не отвергает нацию, а правильно ее помещает. Интер-нация является противоположностью не-нации". (op.cit., v.3, p.630)
14. *La grande transformation*, Gallimard, 1983
15. Bertran Badie. *Mondialisme et societes ouvertes*, in *Apres-demain*, 04-05 1996, p.3
16. Pierre-Noel Giraud. *L'inegalite du monde. Economie du monde contemporain*, Gallimard-Folio, 1996
17. Ian Robinson. art. cit., p.16
18. *Seconde jeunesse pour les comptoirs coloniaux*, in *Monde diplomatique*, 04.1996
19. *ibid.*, p.96
20. Ricardo Petrella in *Le Monde diplomatique*, 05.1995; aussi Kenishi Omae. *The borderless world*, N.Y. Harper-Collins, 1990; Vincent Cable. *The diminished Nation-State*, in *Daedalus*, printemps 1995; K.Omae, ed. *The Evolving global economy. Making sense of the new world order*, Cambridge, Harvard University Press, 1995
21. *Mondialisation et societe ouverte*, art.cit., p.9
22. *L'Etat universel*. Gallimard, 1962. Юнгер надеялся на то, что "различие между красной и белой звездой — не более чем марево, сопровождающее появление звезды на горизонте. Когда звезда встает, она и марево сливаются в единое целое".
23. Gustave Massiah. *Quelle reponse a la mondialisation?* in *Apres-demain*, 04-05.1996, p.6
24. *idid.*, p.35
25. там же, сс.199, 256. Энгельхард добавляет: "Несмотря на то, что различия неизбежны в богатстве, в таланте и т.д., необходимо, чтобы индивиды стали неотличимы... Эта неотличимость является латентной в рамках неоклассической парадигмы, которая постулирует раздельность функций действующих лиц от их сущности. Другими словами, мой выбор должен быть не только отличен от выбора моего соседа, но и несравним с ним. Такая неотличимость, которая достигает своей кульминации в отделении функций от сущности, тесно связана с отрицанием культурного факта. Ведь принадлежность индивидов к общей культурной или политической группе создает для них единый уровень предпочтений"ю там же, сс.251 и 256

- 26.Philippe Lancon. Economie comme la theologie de la contrition, in Liberation, 03.06.1996, p.5
- 27.Qu'est que la mondialisation?, in Liberation, 11.07.1996, p.6. Cf. aussi Zaki Laidi. Une monde prive du sence, Gallimard, 1996
- 28.ibid.
- 29.Pour une pedagogie de la mondialisation, art.cit.
- 30.V.Barber. Djihad versus McWorld, p.4
- 31.Эти конвульсивные реакции породили тезис Сэмюэля Хантингтона о том, что мир движется к войне культур или цивилизаций (S.Huntington. The clash of the civilizations and the remaking of the new world Order, N.Y., Simon & Schuster, 1996). Помимо весьма спорных критериев деления мира, которые предлагает Хантингтон (Европа у него разделена на две части — атлантическую и восточную, а мир ислама обозначен как единое целое), непонятно, каким образом цивилизации становятся действующими лицами в международных отношениях. Панайотис Кондилис со своей стороны отмечает, что не культура определяет специфику конфликтов, а "специфика конфликтов обуславливает роль в них культурного фактора и культурное восприятие их действующих лиц" (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.10.1996)
- 32.L'Europe et l'humanite. Mardaga, Liege-Siprimont, 1996, p.47
- 33.ibid., p.49
- 34.ibid., p.65
- 35.Jacques Adda. op. cit., vol.1, p.62
- 36.Danilo Zolo. Cosmopolis, la prospettiva del Governo mondiale, Milano, Feltrinelli, 1995
- 37.Arlette Heymann-Doat. Les institutions europeennes: pole de resistance ou facteur d'acceleration?, in Apres-demaine, 04-05.1996, p.66
- 38.ibid., p.365
- 39.Le mondial et l'universl, in Liberation? 18.03.1996, p.6